

О. И. Вихрева

Проблемы изучения деепричастия в русском языкознании конца XVIII – первой половины XIX в.

Работа посвящена рассмотрению деепричастия в грамматических трудах конца XVIII – первой половины XIX в. А. А. Барсова, Н. И. Греча, А. Х. Востокова, Г. П. Павского. В статье представлены различные точки зрения на статус деепричастия, отражено происхождение данного класса слов, охарактеризованы морфологические категории деепричастия с учетом их состояния на современном этапе развития русского языка.

Ключевые слова: деепричастие, статус, отглагольное наречие, вид, залог, время, возвратность/невозвратность.

O. I. Vikhreva

Problems of Studying Adverbial Participle in Russian Linguistics in the end XVIII – the first half XIX century

This work analyzes the participle in the grammars of late XVIII – early XIX century written by A. Barsov, N. Gretch, A. Vostokov, G. Pavsky. The article presents the different views on the status of the participle. The paper defines the origin of the participle and characterizes its morphological categories due to their state at the present stage of development of the Russian language.

Keywords: an adverbial participle, a status, a verbal adverb, an aspect, a voice, time, reflexivity/irrevocability.

Обращение к истории деепричастия в русском языке вызвано наличием множества дискуссионных вопросов, связанных с этим классом слов, а также отсутствием последовательного, системного описания его становления в русском языке.

Вопросы, касающиеся конкретных источников современного деепричастия, его грамматических особенностей на разных этапах развития, неоднократно привлекали внимание ученых, высказывавших по ним часто противоположные мнения (см., например, работы А. А. Потебни, А. А. Шахматова, С. П. Обнорского, В. И. Борковского, В. В. Виноградова, Е. В. Немченко и др.).

Несмотря на относительную исследованность деепричастия, до сих пор однозначно не определен его грамматический статус. Наиболее распространена точка зрения, согласно которой деепричастие является формой глагола. Однако характеризуется эта форма по-разному: как спрягаемая (А. Н. Гвоздев), неличная (А. А. Зализняк), атрибутивная (А. А. Потебня, Русская грамматика 1980). В. В. Виноградов характеризует деепричастие как гибридную наречно-глагольную категорию, отмечая, что «лишь залоговые и видовые значения, лишь особенности глагольного управления противодействуют превращению этой формы деепричастия (от основ несовершенного вида) в наречие, с которым ее

роднит функция качественно-действенного отношения к глаголу» [1, с. 320].

Другой подход связан с возможностью признания деепричастия самостоятельной частью речи (М. В. Панов, Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов и др.). Эти два подхода характерны и для русских грамматик XIX в. Стремление к вычленению деепричастия в самостоятельную часть речи обнаруживается в «Практической русской грамматике» Н. И. Греча. На это, в частности, указывают выделение деепричастия наряду с другими знаменательными частями речи и характеристика его категориального значения (в отличие от других исследуемых грамматик). В «Российской грамматике» А. А. Барсова, «Русской грамматике» А. Х. Востокова и «Филологических наблюдениях над составом русского языка» Г. П. Павского данная форма, напротив, не признается знаменательной и носит зависимый от глагола характер.

Авторы интересующих нас грамматик определяют деепричастие как *наречие отглагольное* (у Павского – *глагольное наречие*). Так, например, у Греча деепричастие «есть наречие отглагольное, то есть слово, которым выражается действующее качество другого качества; например: *ходя, спышитъ; читая, скучаетъ; вздыхая, смъется*» [4, с. 212].

Характеристика Гречем, Востоковым и Павским деепричастия через термин *отглагольное наречие*, указание автором «Практической грамматики» общего для наречий и деепричастий категориального значения («слово, коим выражается качество или обстоятельство другого качества или действия», напр. *очень горький, улыбаясь глядит*) [4, с. 206]) свидетельствуют о том, что уже в первой половине XIX в. в грамматической теории русского языка развивается синкретический подход к деепричастию как к классу слов, объединяющему в современной теории признаки двух частей речи – глагола и наречия.

В трудах Барсова, Греча, Востокова и Павского также отмечается тесная взаимосвязь деепричастия и причастия. Так, в «Российской грамматике» говорится, что деепричастие обладает свойствами причастия: имеет время, залог, но не имеет рода, числа и склонения [5, с. 550]. Исходя из определения, представленного в «Филологических наблюдениях», деепричастие – это несклоняемое причастие, или глагольное наречие [3, с. 6, 140]. Представленные определения являются в полной мере оправданными, поскольку деепричастия развились и оформились на базе кратких причастий действительного залога настоящего и прошедшего времени, как известно из истории становления русского языка.

При анализе деепричастия в современном русском языке указывается глагол, от которого оно образовано, и его основа. В трудах Греча и Востокова деепричастия настоящего времени образуются от соответствующего глагола настоящего времени, деепричастия прошедшего времени – от глагола прошедшего времени (*просить, прося, просючи* [4, с. 213]). Однако в грамматике Барсова обнаруживаем, что деепричастия преходящего и давнопрошедшего времен «производятся вообще от причастий тех же времен» (*влекший – влекши; двигивавший – двигивавши*), а в «Филологических наблюдениях» Павского все представители данного класса слов «производятся от причастий» (*лежащий – лежа; знавший – знавши*) [5, с. 603; 3, с. 136]. Из этого можно заключить, что в языкознании конца XVIII – первой половины XIX в. еще не разграничены непосредственно процесс образования деепричастия и история его происхождения.

Рассмотрим трактовку морфологических категорий деепричастия в грамматиках конца XVIII – первой половины XIX в. Как и причастие, деепричастие характеризуется заимствованными у производящего глагола грамматическими катего-

риями *вида, времени и залога*. В «Практической грамматике» Н. И. Греча и «Русской грамматике» А. Х. Востокова исследуемый класс слов представлен данными категориями. В «Российской грамматике» А. А. Барсова деепричастие вида не имеет, поскольку под самим термином *вид* в грамматике понимается не грамматическая категория, а словообразовательная структура. В «Филологических наблюдениях» Г. П. Павского виды глагола, по мнению В. В. Виноградова, скрываются под термином «степени протяжения», обозначающим меру продолжительности и объем действия. Виды были названы степенями, вероятнее всего, по аналогии со степенями сравнения прилагательных [1, с. 397].

Греч в своей грамматике отмечает, что деепричастия имеют то число видов, «какое заключается в начертании глагола, от которого оные происходят». В сущности, Греч представил пять видов глагола, но наличие в приставочных глаголах тех же видовых оттенков длительности и кратности, что и в простых, заставило грамматиста упомянуть еще о пяти видах «второстепенных», «закрывающих значение обоих главных», это несовершенный неопределенный, несовершенный определенный, совершенный неопределенный, совершенный определенный, совершенный однократный виды [4, с. 117].

Таким образом, в «Практической грамматике» представлено четыре вида деепричастий, образованных от простых глаголов: неопределенный (*дѣлая, дѣлавъ; кидая, кидавъ*), многократный (*дѣльывавъ, кидывавъ*), однократный (*кинувъ*), определенный (*неся, несши*), и шесть видов, образованных от предложных, то есть приставочных в современном понимании, глаголов: несовершенный (*обдѣльывая, обдѣльывавъ*), совершенный (*обдѣлавъ*), совершенный неопределенный (*закидавъ, выносивъ*), совершенный однократный (*закинувъ*), несовершенный неопределенный (*вынашивая, вынашивавъ*), несовершенный определенный (*вынося, выносивъ*) [4, с. 212–213]. Греч впервые указал на необходимость различения предлогов (то есть приставок), изменяющих видовое и реальное значение глагола, а следовательно, и деепричастия.

В грамматике Барсова представлено три *залога* деепричастия: действительный, оканчивающийся на *-ся* и страдательный (*двигаю, двигнувши; двигаясь, двигнувшись; будучи двигаемъ, бывши двинуть*) [5, с. 606–608]. В грамматике Востокова данный класс слов характеризуется

действительным или страдательным залогом. При этом деепричастие действительное «не показывает ни родов, ни чисел и имеет только окончания времен: настоящего: *-я, -ая, -учи (сидя, читая, живучи)*; прошедшего: *-въ, -ши (сидѣвъ, живши, читавши)*». Страдательное деепричастие «составляется приложением деепричастия вспомогательного настоящего времени *будучи* и прошедшего *бывъ* к причастию страдательному спрягаемого окончания; следовательно сие составное деепричастие показывает роды и числа. Напр. *книга, будучи читаема, бывъ читаема, бывъ прочитана*» [5, с. 107]. Отметим, что, с позиции современной лингвистической теории, формы *читаема, прочитана* и т. п. являются причастиями.

Греч в «Практической грамматике» отмечает, что «деепричастия бывают во всех залогах глаголов, то есть действительных, средних, возвратных и взаимных» [4, с. 212]. Страдательные деепричастия в его грамматике выражены, как и в грамматиках Барсова и Востокова, деепричастием вспомогательных глаголов *будучи, бывъ* с присоединением страдательного причастия (*будучи любимъ*). Павский же в «Филологических наблюдениях» относит все деепричастия к действительному залогоу и поясняет, что «причастия страдательного залога у нас не переходят в глагольные наречия» [3, с. 139].

С точки зрения современного русского языка, из трех залогов в соответствии с трехзальной системой у деепричастия сохраняется два – действительный (*читая, прочитав*) и возвратно-средний (*умываясь, умывшись*). Страдательного залога данная часть речи не имеет. В современной русистике имеет место особая точка зрения, согласно которой возможно образование деепричастий настоящего времени страдательного залога с помощью аналитических средств: *будучи построен, будучи занята* [8, с. 513].

Если же опираться на двухзальговую систему, то необходимо признать, что все деепричастия имеют действительный залог. Таким образом, наиболее близок к современной трактовке залоговых отношений деепричастия автор «Филологических наблюдений».

Обращаясь к категории *времени*, отметим, что, с точки зрения современной русистики, деепричастия имеют только относительное время, которое можно определить непосредственно в контексте. При этом прослеживается определенная связь между суффиксом деепричастия и временным значением: деепричастия с суффиксами

-а-, -я- обычно в предложении имеют значение одновременности, а с суффиксами *-в-, -вши-, -ши-* – значение предшествования или следования основному действию.

В русском языкознании конца XVIII – первой половины XIX в. деепричастие характеризовалось наличием указанной категории как абсолютной и, следовательно, могло выражать временные отношения. Так, например, в «Русской грамматике» Востокова «деепричастие действительное <...> имеет окончания времен: настоящего: *я, ая, учи*. Напр. *сидя, читая, живучи*. Прошедшего *-въ, -ши – сидѣвъ, читавши, живши*» [6, с. 107]. В «Российской грамматике» Барсова деепричастие представлено также формами преходящего, давнопрошедшего и прошедшего совершенного времен (*двигавши, смѣявшись; двигивавши, посылавши; двигнувши, размѣявшись*) [5, с. 603–604]. Такая характеристика авторами грамматик категории времени (как абсолютного) обусловлена происхождением данного класса слов: деепричастия сформировались на основе действительных причастий настоящего и прошедшего времени.

Среди представителей исследуемого класса слов учеными выделены возвратные деепричастия: *смѣявшийся, коснувшийся* [5, с. 603]; *стараясь, постаравшись* [6, с. 107]; *мывшись, сражавшись* [4, с. 214]; *напившись, научившись* [3, с. 135], тем самым было обозначено еще одно свойство деепричастия, восходящее к производящему глаголу, – *возвратность/невозвратность*.

Итак, деепричастие в языкознании конца XVIII – первой половины XIX в. обладало практически тем же набором морфологических категорий, что и в современной русистике, за исключением указания на категорию переходности/непереходности. Однако каждая из этих категорий с течением времени претерпела определенные изменения. Так, приняв за основу то, что деепричастия были образованы на базе причастий, А. А. Барсов, Н. И. Греч и А. Х. Востоков наделили указанный класс слов страдательным залогом. В «Филологических наблюдениях» Г. П. Павского, вышедших позднее, отрицается существование деепричастий страдательного залога, с точки зрения ученого, формы типа *будучи гонимъ, бывъ любимъ* необходимы для того, чтобы «выразить понятие, выражаемое глагольным наречием» [3, с. 139].

Древнему деепричастию, оформившемуся на базе причастий, была свойственна категория

времени, нашедшая отражение и во всех исследуемых грамматиках. Но в процессе становления деепричастия постепенно закрепляется зависимость его внешней формы от категории вида производящего глагола. Кроме того, в результате окончательного становления видовременной системы глагола число видов глагола и, следовательно, деепричастия сокращается до двух – совершенного и несовершенного. Но это происходит на более позднем этапе развития грамматики.

Вопрос относительно определения статуса деепричастия в грамматиках конца XVIII – первой половины XIX в. решается по-разному: Н. И. Греч стремился рассматривать деепричастие как самостоятельную часть речи, А. А. Барсов, А. Х. Востоков и Г. П. Павский описывали его в системе глагола. Кроме того, следует отметить особый подход автора «Филологических наблюдений», полагавшего, что деепричастия, «не допустив склонения и не приняв признака рода, стали наряду с наречиями» [3, с. 140]. В современной теории языка такой подход в некотором смысле нашел отражение в работе В. В. Виноградова «Русский язык». Как видим, длительная история разработки одной из главных проблем грамматического строя языка – выделения частей речи – не привела к формированию в современном языкознании единого установленного понимания частей речи и принципов их классификации.

Библиографический список

1. Виноградов, В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) [Текст] / под ред. Г. А. Золотовой. – 4-е изд. – М.: Русский язык, 2001. – 720 с.
2. Иванов, В. В. Историческая грамматика русского языка [Текст] / В. В. Иванов. – 3-е изд. – М.: Просвещение, 1990. – 400 с.
3. Павский, Г. П. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение третье. О глаголе [Текст] / Г. П. Павский. – 2-е изд. – СПб.: Тип. Императорской АН, 1850. – 271 с.
4. Практическая русская грамматика, изданная Николаем Гречем [Текст]. – 2-е изд., испр. – СПб.: Тип. издателя, 1834. – 526 с., 3 л. табл.
5. «Русская грамматика» А. А. Барсова [Текст] / под ред. Б. А. Успенского. – М.: Изд-во Московского университета, 1981. – 776 с.
6. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же Сокращенной грамматики, полнее изложенная [Текст]. – 2-е изд. – СПб.: Тип. И. Глазунова, 1835. – 416 с., 3 л. табл.
7. Русская грамматика [Текст] : в 2 т. Т. 1.: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Н. Д. Арутюнова, А. В. Бондарко, В. В. В. В. Иванов и др. ; под ред. Н. Ю. Шведовой, Академия Наук СССР, Институт Русского языка. – М.: Наука, 1980. – 784 с.
8. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц [Текст] : учебник для студентов высших учебных заведений : в 2 ч. Ч. 2. Морфология. Синтаксис / В. В. Бабайцева, Н. А. Николина, Л. Д. Чеснокова и др. ; под ред. Е. И. Дибровой. – М.: Академия, 2001. – 704 с.
9. Современный русский язык [Текст] : учебник для филологических специальностей университетов / В. А. Белошапкова, Е. А. Брызгунова, Е. А. Земская и др. ; под ред. В. А. Белошапковой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1989. – 800 с.